

А.Ю. Говорухина

Томский государственный университет

**Познавательная идентичность
современной литературной критики**

Аннотация: В статье осуществляется попытка переосмысления традиционной, сложившейся в рамках позитивизма концепции метода литературной критики. В соответствии с герменевтико-онтологической парадигмой литературно-критическая деятельность понимается как акт (само)интерпретации, претендующей на общезначимость и формализованной в последующем акте текстопорождения. На материале критики «Нового мира», «Знамени» 1990-х годов выстраивается типология интерпретационных стратегий, исследуется познавательная идентичность современной критики.

In clause attempt of reconsideration of the traditional concept which have developed within the limits of positivism of a method of literary criticism is carried out. According to a hermeneutic-ontologic paradigm literary-critical activity is understood as the process the (self) interpretation, which applying on universally recognized and embodied in the subsequent certificate creation of text. On a material of criticism «Novy mir», «Znamya» 1990th years we investigate the typology strategy of interpretations, cognitive identity of modern criticism.

Ключевые слова: литературная критика, «толстые журналы», метод литературной критики, интерпретационные стратегии, прагматика.

Literary criticism, literary magazines, method of literary criticism, strategy of interpretations, pragmatics.

УДК: 82.

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 56. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 353535. E-mail: yuliya_govoruhin@list.ru.

Эпистемологическая парадигма отечественной теории критики – это, по сути, парадигма классической позитивистски ориентированной познавательной герменевтики. В рамках этой парадигмы возникло и то определение литературной критики, которое закрепилось в словарях, и представление о том, что критика обращается к литературному произведению как к смыслодержательной, а не смыслопорождающей системе¹. Акт интерпретации литературных явлений в большей или меньшей социальной обусловленности видится исследователями основной литературно-критической деятельности. Отсюда, категория «метода» в данной парадигме вполне логично обретает статус гносеологически значимой и приближающей к научной литературоведческой методологии.

В XX веке с возникновением работ М. Хайдеггера, П. Рикера, Г. Гадамера герменевтика из методологии перемещается в онтологию. Складывается другая эпистемологическая парадигма, в рамках которой понятие «интерпретации» наполняется онтологическим смыслом, означая сам способ бытия, и не отрывается

¹ Сравним с высказыванием Р. Барта о том, что «Критика не есть наука. Наука изучает смыслы, критика их производит» [Барт, 1989, с. 361].

от самоинтерпретации; категория истины не отделяется от процесса понимания, а позитивистское осмысление категории метода обнаруживает свою несостоятельность [Гадамер, 1988]¹.

В соответствии с герменевтико-онтологической концепцией, литературно-критическая деятельность, понимаемая как акт (само)интерпретации, претендующей на общезначимость и формализованной в последующем акте текстопорождения, несомненно, шире акта истолкования литературного явления.

На наш взгляд, самая общая модель критической деятельности имеет следующий вид. Над уровнем истолкования текста и его оценки надстраивается уровень гносеологической и коммуникативной установок, которые обуславливают программу интерпретации. Первая установка имеет вид «вопроса»², который во многом определяется коммуникативной, социокультурной ситуацией, в которой функционирует критик как «вопрошающий». Вторая является важным структурообразующим фактором, поскольку именно вокруг реципиента формируется вся коммуникативная модель литературно-критической деятельности³. Эта деятельность представляет собой прагматический коммуникативный феномен, проявляющийся в некотором классе ситуаций коммуникативного взаимодействия, в которых коммуникатор, руководствуясь конкретными практическими целями, озабочен доведением до сведения адресата определенной информации⁴.

Литературная критика – сложный процесс (само)интерпретации, в котором совмещаются два акта понимания⁵ – первичное (мгновенное прозрение истины бытия) и вторичное (фиксация того, что понято, словесное выражение, его развертывание в качестве интерпретации, отрефлексированное воспоминание). Второй акт М. Хайдеггер называет методологическим. Совмещение герменевтико-онтологического и коммуникативного подходов позволяет распространить признак методологического и на первый акт критической деятельности, поскольку даже первичное восприятие критиком литературного явления направлено установкой на реципиента, на последующий акт текстопорождения, на реализацию той или иной предварительной целеустановки. Это возможно при условии переосмысления категории метода, снятия с нее научноориентированного содержательного компонента.

Актуальное для нас толкование понятия «метод литературно-критической деятельности» охватывает все компоненты структуры критической деятельности (Литературное явление – Критик – Критический текст – Реципиент) – общая стра-

¹ Приходится констатировать, что категория метода литературной критики сегодня не наполнена тем определенным теоретическим смыслом, который позволил бы ей быть востребованной в научном и критическом дискурсе. Показательно, что сами критики избегают использовать данное понятие либо весьма скептически оценивают его функциональность.

² «Вопрос», набрасываемый критиком на литературную действительность, в соответствии с идеями М. Хайдеггера, П. Рикера, характеризует задающего, определяет выбор художественный произведений и вычлняемый актуальный аспект их содержания.

³ Фигуру реципиента В. Брюховецкий делает центральной в своей концепции литературно-критической деятельности: «Критика является структурно сложной относительно самостоятельной деятельностью, в которой элементы художественного и теоретико-научного мышления выполняют подчиненную доминантам коммуникативно-прагматического мышления роль, а объединяются на основе эстетического восприятия» [Брюховецкий, 1984, с. 84].

⁴ Здесь в качестве теоретической основы используем исследования, осуществленные в рамках прагмалингвистики, теории коммуникативных актов, а также работы В. Виноградова, Г. Шпета («Мысль и слово»), М. Бахтина, П. Рикера, Ю. Лотмана, А. Пятигорского («Семиотика»), в которых рассматривается intersubjective природа коммуникации / диалога.

⁵ Эти акты безотносительно к деятельности критика выделяет и описывает М. Хайдеггер в «Бытии и времени».

тегия, организующая процесс истолкования и оценки литературного явления и его преломления в акте текстопорождения, выстраиваемая критиком в зависимости от коммуникативной и интерпретационной (в онтологическом смысле) установки. Такое понимание метода предусматривает разную глубину интерпретации, разное качество самопрезентации, разную степень эксплицированности прагматического воздействия.

Методы гуманитарного научного познания используются критикой не в «чистом виде», переосмысливаются. Редуцируется жесткое требование научной доказательности, логической аргументированности; необязательным становится требование целостности в подходе к произведению¹. Одновременно в критическую деятельность привносится субъективность. Речь должна идти не только о той доле субъективности, которую предусматривает гуманитарное познание, но и о субъективности, которая в критике может выполнять роль аргумента (часто впечатление от прочитанного оказывается основой для формулирования оценки)².

Итак, критика использует метод, в котором обнаруживаются признаки гуманитарного метода познания; в то же время он обладает специфическими свойствами, не позволяющими отождествить его с научным инструментарием. Такой вывод обнаруживает проблематичность выделения типологии литературной критики: теперь она (типология) не должна дублировать специальные литературоведческие методы, необходимо искать новые классификационные критерии.

Первым таким критерием может послужить доминирование в целеполагании аналитического либо прагматического компонента. В соответствии с ним классификация метода литературной критики имеет вид: аналитико-прагматический, прагматико-аналитический (первыми обозначены доминирующие компоненты) и бездоминантный. Основаниями, по которым возможно объективное определение доминанты, являются 1. Авторская формулировка цели / задачи (как правило, прагматическая цель не вербализуется критиком, в то же время ее наличие в структуре цели обязательно. В таком случае редкий факт вербализации будет значимым (возможно, и определяющим) в определении доминанты. Фиксирование аналитической цели / задач не будет являться объективным показателем доминирования аналитической компоненты ввиду частотности вербализации именно этой целеустановки при активной реализации цели прагматической). 2. Разнообразие приемов, реализующих прагматическую компоненту цели (эти приемы вычлениваются в каждом литературно-критическом тексте и потому не могут являться показателем доминирования того или иного компонента цели. Но в то же время их разнообразие в рамках отдельной статьи свидетельствует об осознанной ориентации автора именно на прагматическую цель, а следовательно, о ее доминировании в сознании критика). 3. Оценка (наличие литературно-критической оценки необязательно (это характерно для современной критики), а один только факт ее наличия также не является показателем доминирования той или иной компоненты метода. В то же время частотность оценок в рамках одного текста, высокая степень их экспрессивности, демонстрация реципиенту критерия оценивания, несомненно, указывают на доминирование прагматической цели «внушить

¹ Так, Л. Чернец пишет о том, что критическая интерпретация отличается определенной избирательностью в подходе к произведению [Чернец, 1988, с. 48].

² В работе Б. Менцель «Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп» читаем: «Такие критерии, как “увлекательно”, “интересно”, “сложно”, “скудно”, “идеологизированно” и так далее, развиваются и передаются как квалифицированные вкусовые суждения» [Менцель, 2003]. В своей книге «“Как слово наше отзовется...” Судьбы литературных произведений» Л. Чернец высказывает мнение о том, что критическая интерпретация произведения имеет субъективные предпосылки. «Подход критика к произведению всегда избирателен и обусловлен его мировоззрением, эстетическим вкусом, жизненным, читательским опытом и пр.» [Чернец, 1995, с. 79].

читателю собственную шкалу оценки», «заразить» собственной положительной/негативной/нейтральной оценкой). 4. Коммуникативный статус реципиента (при доминировании прагматической составляющей метода читатель мыслится автором критической статьи как активный соучастник суждения о литературном произведении / явлении. При аналитически ориентированном методе читатель, как правило, находится в положении «молчаливого собеседника»). 5. Степень эмоциональности / экспрессивности (высокая степень экспрессивности может служить дополнительным (но не обязательным) показателем доминирования прагматической составляющей. И наоборот, бесстрастность, эмоциональная «скудность» суждений свидетельствует о наличии, но недоминировании названной компоненты). 6. Ориентация на специальные литературоведческие методы, от-рефлексированность этой ориентации (использование общих основ сравнительно-типологического, исторического, биографического литературоведческих методов характерно для критики вообще. Однако при использовании аналитически ориентированного метода факт выбора того или иного специального метода отрефлексирован).

Анализ литературно-критических статей, опубликованных в «толстых журналах» конца XX века, по заданному выше алгоритму позволяет дополнить описание каждого метода и выстроить типологию современной критики.

Аналитико-прагматический метод помимо указанных выше признаков характеризуется однотипностью прагматической цели – убедить читателя в верности собственной концепции. Он задействует инструментарий специальных научных методов. Научная ориентированность (проявляющаяся также в использовании терминологии, конструкций, распространенных в научном стиле) выполняет и прагматическую функцию – создает у реципиента ощущение логичности доказательств, достоверности суждений. У критика нет необходимости в развернутой системе прагматических средств. Как правило, этот метод не «покушается» на ментальные, ценностные установки реципиента. Типичный статус автора, избравшего эту стратегию, – исследователь – как правило, поддерживается метатекстом, представляющим собой рефлексия по поводу процесса исследования (проговариваются этапы).

Ведущий модус критического повествования, осуществляемого в соответствии с прагматико-ориентированным методом – разоблачение и приведение к норме. Как правило, прагматическая компонента цели преодолевает границы ситуативности (убедить в верности собственной концепции / оценки / точки зрения) и воздействует на ментальные установки реципиента. Не представляется возможным определить систему устойчивых приемов воздействия на сознание реципиента, характерных для прагмаориентированных текстов. Эти приемы универсальны и используются также теми критиками, метод которых не организуется данной доминантой. Чаще других в прагмаориентированных работах, опубликованных в конце XX века, используются: выражение согласия с оппонентом в целом, но акцентирование расхождения в принципиальных частностях; ссылка на авторитет; соотнесение с советским, соцреалистическим как способ формирования негативной оценки у реципиента, доведение аргументов оппонента до логического конца, акцентирование простоты собственных выводов, а значит, их очевидности, схематизация концепции оппонента¹. Аналитическая компонента в таких текстах ориентирована на реализацию прагматической цели². Автор субъективирован, непо-

¹ В. Кардин реализует этот прием в статье «Страсти и пристрастия. К спорам о романе Г. Владимова “Генерал и его армия”»: «В общем, немецкому генералу не положено читать Толстого, советскому – рассказывать анекдоты. Такая вот, прошу прощения, концепция» [Кардин, 1995, с. 205].

² Так, цель Агеева-аналитика в статье «Варварская лира. Очерки “патриотической” поэзии» – описание основных компонентов идеологии «патриотов», являющихся порожд-

средственно выражает свое мнение, оценки, регулирует ход восприятия текста, фиксирует движение собственной мысли. Однако возможен и обратный способ самопрезентации – намеренная десубъективация. Критик нередко использует прием моделирования образа реципиента (заведомо ложного и идеального) для эффекта идентификации реального читателя с идеальным¹, близким авторским взглядам.

Ряд критических текстов не дают оснований для выделения доминанты, в них аналитическая и прагматическая составляющая метода равнозначимы². Анализ этого блока статей позволил выделить следующие разновидности: 1. Статьи, в которых высокой степени аналитичности сопутствует реализация не менее важной авторской задачи – создать то или иное эмоциональное состояние, заставить сопереживать. 2. Статьи, в которых явный прагматический эффект и анализ уравниваются, что делает проблематичным выделение доминанты.

В основание второй классификации положим категорию «ракурс интерпретации». Ракурс в контексте нашего исследования приобретает значение стратегии, направляющей интерпретацию и оценку литературного явления. В соответствии с этим критерием все множество литературно-критических статей делится на четыре группы.

Первую группу составляют работы Я-центричные, в которых определяющим становится ракурс собственного видения интерпретируемого (работы И. Дедкова, К. Степаняна, Е. Иваницкой, С. Чупринина, В. Кардина в «Знамени», И. Роднянской, Л. Аннинского, Д. Бавильского, Н. Елисеева в «Новом мире», Н. Скатова, В. Курбатова, И. Соловьевой в «Нашем современнике» и др.).

Вторая группа объединяет статьи, авторы которых апеллируют к тексту, фактам, оставаясь в роли комментатора (М. Эпштейн, А. Якимович, Е. Тихомирова, О. Дарк, П. Вайль, В. Новиков, М. Липовецкий и др.).

Третью группу составляют работы, авторы которых ориентированы на такое декодирование художественного произведения, которое приблизило бы их к писательской интенции, к самому автору как личности, критик постоянно апеллирует к автору. В определенном смысле, это метод, предполагающий десубъективацию. К статьям, написанным с использованием автороцентричного метода, отнесем все статьи Н. Ивановой, А. Немзера, О. Славниковой, Д. Бавильского. Критик как посредник находится между намерениями передающих и ожиданиями получателей. В статьях третьей группы критик ориентирован на намерения автора как передающего.

дающим основанием образной системы патриотической лирики («...мне хочется понять и объяснить сам ее (патриотической лирики – Ю.Г.) порождающий принцип» [Агеев, 1991, с. 222]; «я хочу узнать: всегда ли чисты источники, из которых черпают поэты свою творческую силу?» [Там же, с. 222]) – предполагает фиксирование дефектов в искомой идеологии. Тем самым реализуется прагматическая цель – «заражение» реципиента собственной иронической оценкой патриотической поэзии, неприятием провозглашенных идеологем.

¹ А. Якимович в статье «Эсхатология смутного времени» [Якимович, 1991] последовательно рисует негативный портрет носителя неверного варианта осмысления понятия «эсхатология», помещая его сразу после приведенных примеров нормы. Это человек с «оплошным сознанием», итог «шариковизации» человека в советскую эпоху, «промежуточное существо, которое выражается невпадом», «поступают точно так же, как персонаж Булгакова, который, почитав книжку Каутского, без долгих раздумий определил, что там “одна контрреволюция”», «мутанты». Контраст должен усилить негативность портрета и сформировать читательское отторжение к идентифицированию с ним.

² Это, к примеру, статьи М. Липовецкого «Совок-блюз», «Апофеоз частиц или диалоги с хаосом», В. Курицына «Жизнь с кокаином», К. Степаняна «Назову себя цвайшпаццирен», Е. Иваницкой «Постмодернизм=модернизм?», А. Агеева «Выхожу один я на дорогу», В. Новикова «Заскок», Н. Ивановой «После. Постсоветская литература в поисках новой идентичности», «Прошедшее несовершенное».

К четвертой, весьма малочисленной группе, отнесем статьи, в которых ракурс критика смещен в область реципиента, его ожиданий. А. Агеев («Варварская лира»), Р. Арбитман («Долгое прощание с сержантом милиции»), О. Дарк («Принесенные в жертву»), В. Новиков («Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия»), В. Камянов («В тесноте и обиде, или “новый человек” на земле и под водой»), С. Костырко («Чистое поле литературы. Любительские заметки профессионального читателя») акцентируют наше внимание на том, что смотрят / оценивают то или иное литературное явление глазами простого читателя.

По сути, в данных группах проявляются четыре разных основания истины (авторитетных инстанции). В первом – я, мое личное восприятие, мой опыт, во втором – автор и его интенция, в третьем – факт, в четвертом – авторитет большинства. Большую же часть статей составляют те, в которых наблюдается совмещение двух, в редких случаях трех ракурсов.

Анализ литературно-критической практики рубежа XX–XXI веков (на материале журналов «Новый мир», «Знамя», «Наш современник») с точки зрения ориентированности ее на тот или иной описанный нами метод дают возможность выйти к неким гносеологическим основаниям критики этого периода, выявить скрытые механизмы ее функционирования в ситуации кризиса, увидеть динамику развития.

На выбор того или иного метода влияет социокультурная и коммуникативная ситуация. Одним из значимых признаков ситуации в России конца XX века стала утрата литературоцентризма. В этих обстоятельствах литературная критика переживает острый кризис, связанный с потерей читателя, снижением «достоверности слова», утратой авторитетности. Проблема выживания критики в этих условиях – особенно болезненно рефлекслируемая – по сути, может быть осмыслена как экзистенциальная, сопряженная с констатацией утраты былого статуса, аудитории и попытками самоидентификации, выживания в обновившихся культурных обстоятельствах. Она определяет коммуникативный контекст и гносеологическую ситуацию. В процессе самоидентификации (самопознания) критика «набрасывает» свои познавательные усилия на объекты, непосредственно связанные с главными экзистенциальными потребностями: литературные события (чтобы реализовать природную функцию), реципиента (чтобы осуществиться в коммуникативном пространстве) и себя саму. Такое утверждение «присутствия» напрямую соотносится с двумя выделяемыми нами компонентами целеполагания критика (аналитическим и прагматическим). В 1990-е годы они осмысливаются не столько как естественно порождаемые в структуре критической деятельности, а как экзистенциально обусловленные. Критика находится в сходной с непрофессиональной читательской аудиторией гносеологической ситуации, когда необходимо без опоры на идеологию, «костыли», мифы самостоятельно познавать мир и себя.

На протяжении периода с 1992 по 2002 год литературная критика переживает эволюцию, связанную со сменой гносеологических ориентиров и, соответственно, методологических установок. Это отчетливо заметно в группе критических текстов, объединенных объектом «общественное сознание и его художественное исследование». В статьях, опубликованных в 1991–1992 годах в «Знамени», «Новом мире», «Нашем современнике», доминирует прагмаориентированный метод. В его рамках в первых двух журналах выделяется «реставрационная» стратегия, направленная на разрушение, отсечение тех ментальных проявлений, которые генетически восходят к советской ментальности, и на восстановление нормы. Происходит «реставрация» тех ценностей / фактов, а главное, мировоззренческих установок, которые перенесли разрушительное идеологическое воздействие со-

ветской эпохи¹. Характерно, что в статьях этой группы и этого периода носителями исследуемых отклонений от нормы оказывается не все общество: у А. Агеева это поэты-патриоты, у Н. Ивановой – люди с «чистеньким» идеологизированным сознанием, у А. Якимовича – новая интеллигенция, сформированная советскими условиями, у М. Липовецкого – разоблачители, носители и создатели мифа о шестидесятниках, А. Немзер называет конкретные лица и увеличивает группу за счет возможных последователей. Каждый раз предполагается, что помимо обозначенного социального слоя есть другие, сочувствующие, что позволяет критику осмысливать ту или иную проблему как остросоциальную, а также более широкая масса людей, в которых живо понятие нормы, от которых и представляет критик. Неактуальность «реставрационной» стратегии для критики «Нашего современника», на наш взгляд, связана с ориентированностью журнала на разоблачение новых властных структур и тактик манипулирования общественным сознанием, на злободневные проблемы. Советская эпоха в глазах критики в большей степени ассоциируется с еще живыми представлениями о народной культурной традиции как средоточии духовного потенциала нации и ее носителях («деревенская» проза).

Другая стратегия в рамках того же прагмаориентированного метода – «корректирующая». Она направлена на осмысление порожденных современностью отклонений от нормы в сознании современника, актуализацию этой нормы. Очевидно, между первой и второй стратегией обнаружатся сближения (интерпретация с точки зрения ценностных ориентиров, оппозиция как структурообразующее начало) и отличие (отклонения не будут объясняться советским прошлым)². Норма в виде определенного ценностного ориентира эксплицирована в тексте и, как и в рамках первой стратегии, чаще всего ассоциируется с классикой³. Эта страте-

¹ Объектом для «реставрации» становятся: идеологическое мышление (привычка к идеологии, необходимость вычитывания ее в текстах) (А. Немзер, «Сила и бессилие соблазна», 1991), травмированное органическое сознание «патриотов» (А. Агеев, «Варварская лира», 1991), восприятие быта как пошлости (Н. Иванова, «Неопалимый голубок», 1991), трансформированное понимание эсхатологичности (А. Якимович, «Эсхатология смутного времени», 1991), наличие мифов в сознании современного человека (М. Липовецкий, «Совок-блюз», 1991; А. Немзер, «Страсть к разрывам», 1992). Во всех названных статьях эксплицирована альтернативная истинная ценностная координата.

² «Болезни» современного сознания, фиксируемые критикой: привыкание к игре как способу ухода от реальности (С. Носов, «Литература и игра», 1992), понижение ценности классики (В. Камянов, «Игра на понижение», 1993), архивизм (А. Пурин, «Архивисты и новаторы», 1994), иждивенчество, прутковщина, несвобода (С. Рассадин, «Освобождение от свободы», 1995), схематизм в осмыслении прошлого и настоящего (И. Дедков, «Между прошлым и будущим», 1991), мифологичность сознания (А. Агеев, «Бесъ борьбы», 1996; И. Стрелкова, «Страсти по классике», 1994), страсть к отрицаниям как примета постидеологического сознания (В. Потапов, «Схватка с Левиафаном», 1991; В. Артемов «Гусли барда», 1993), распространение русофобии (И. Стрелкова, «О живой и мертвой воде», 1991). «Болезни», дефекты общественного сознания критика «Нашего современника» связывает с действиями враждебных политических сил.

³ Так, С. Носов «вирусу игрового мировосприятия» противопоставляет классику, творчество Л. Толстого, Достоевского: «искания русской классической литературы в целом были порывом к истинной жизни сквозь “мишуру” цивилизации, сквозь “суету” поддельного существования, в которое представлялось погруженным человечество» [Носов, 1992, с. 232]. В статье В. Камянова классика мыслится как особый тип мышления, который «никогда не приближается к нулевой отметке, ибо капитальные “почему?” и “зачем?” маячат у каждого из этих писателей – за ближним порядком мыслей», потому что писатель-классик «отмеряя минуты, помнит о немеренном времени; частные обстоятельства сопрягает с универсальным “обстоятельством” – жизнью...» [Камянов, 1993, с. 240]. Свободу и ответственность классики С. Рассадин противопоставляет жизненным ориентирам молодого поколения 1980-х [Рассадин, 1995]. Понятие нормы в виде определенного ценностного ориентира всегда эксплицировано в текстах критических статей «Нашего современни-

гия охватывает большинство критических текстов «Нашего современника», поскольку более всего соответствует установкам журнала, позволяет внушать читателю систему ценностных координат, которая оформилась в триединство «православие, самодержавие, народность».

Носителями отклонений от нормы являются, так же как и в первом случае, определенные социальные слои: молодое поколение 1980-х (С. Рассадин), «борцы» с идеологическим сознанием (А. Агеев), аналитики, накладывающие схемы на многообразную жизнь (И. Дедков), нынешняя словесность (С. Носов), архивисты, необъективные исследователи (А. Пурин), либеральная интеллигенция, западники, писатели-экспериментаторы (в статьях «Нашего современника») и т. п. В то же время всегда отмечается, что исследуемые негативные проявления сознания «симптоматичны», «типичны».

Со второй половины 1990-х годов критика перенастраивает свой метод на аналитику. Третья стратегия (самая распространенная в журналах «Новый мир» и «Знамя») – аналитическая (в рамках аналитико-прагматического метода) – направлена на безоценочное осмысление новой ментальности, ее эволюции¹. Критика фиксирует черты сознания современника, оказавшегося в экзистенциальной ситуации кризиса, которые не противостоят и не соответствуют некой ценностной норме. Неслучайно появление в статьях этой группы характеристик, связанных с традицией литературного и философского экзистенциализма – тошнота, застигнутость, неизвестность, отчаяние, тревога, ужас. Актуальным становится не нравственно-ментальный план, а ментально-психологический. Показательно и то, что эта критика пишет не о какой-то части социума, а обо всех, всеобщем состоянии сознания и самосознания. Аналитическая стратегия ориентирована на поиск и анализ «симптомов». Вероятно, это напрямую связано с потерей критикой статуса ведущей, ориентирующей читателя, обладающей авторитетным знанием. Теперь она идентифицирует себя с аналитиком.

Сравнение статей «Нового мира» и «Знамени» позволяет говорить о разности аналитических установок критиков и критики. Критика «Знамени» в большей степени «Я»-ориентирована, в ней более выражен экзистенциальный путь осмысления проблемы реальности и ее утраты, акцентирована связь интерпретируемого текста с актуальной социальной, ментальной действительностью, личными переживаниями критика. Критика «Нового мира» в большей степени ориентирована на текст и литературный контекст. Подтверждают наш вывод об отличиях аналитических установок в журналах и наблюдения за сменой этих установок у авторов, публикующих свои статьи в разных журналах. Так, А. Немзер публикует

ка», имеет вид триады «православие, самодержавие, народность». Акцентируется спасительность данного ценностного ориентира. В статьях анализируемой группы классика становится постоянным носителем ценного и критерием в квалифицировании того или иного явления/лица как «своего» или «чужого»/враждебного.

¹ Черты сознания современника, угадываемые критикой: эсхатологичность (М. Эпштейн «Эсхатология смутного времени», 1991), вживание в ситуацию пограничного бытия (А. Немзер «Двойной портрет на фоне заката», 1993), кризис идентичности (Н. Иванова «После», 1996), выпадение исторической памяти, внутренняя безопорность (В. Камянов «В тесноте и обиде, или «Новый человек» на земле и под землей», 1991), фантомность, мифологичность сознания (А. Архангельский «Гей, славяне!» Черты исторического самосознания на сломе эпох», 1995), внутренняя безопорность (И. Роднянская «Сюжеты тревоги. Маканин под знаком «новой жестокости», 1997), утрата веры в высшие смыслы, утрата цельности и ценностей, постмодернистское мировосприятие, тоска по реальности (К. Степанян «Реализм как заключительная стадия постмодернизма», 1992; «Назову себя цвайшпацирен?», 1993; «Кризис слова на пороге свободы», 1999), неуверенность в будущем, застигнутость, неопределенность, неизвестность, нереализованность (О. Дарк «Принесенные в жертву», 1998), бегство от современности (А. Немзер «В каком году – рассчитывай...», 1998).

в «Знамени» работы, в которых актуализируются моменты общего культурного, ментального кризиса [Немзер, 1998а], анализируются художественные произведения как отражения процесса самоидентификации авторов в ситуации слома ценностных ориентиров [Немзер, 1993б]. В «Новом мире» за эти же годы критик публикует работы иного плана: «Что? Где? Когда? О романе Владимира Маканина: опыт краткого путеводителя» [Немзер, 1998б], в которой следует «за текстом», анализируя пространственно-временную специфику романа, систему персонажей; «Несбывшееся. Альтернативы истории в зеркале словесности» [Немзер, 1993а], в которой предлагает обзор современных романов-предсказаний, сводя к минимуму факт корреляции с восприятием истории современника.

К концу 1990-х началу 2000-х годов критика «Нашего современника» также становится более аналитичной – исследует философию постмодернизма, авангарда, их потенциал разрушительного воздействия на сознание современника. Одновременно сужается ракурс видения и интерпретации литературной действительности – от обзора современной поэзии / прозы, угадывания некоторых тенденций ее развития, обязательно соотносимых с социальными проблемами¹, к анализу отдельных произведений или группы текстов одного автора². Показательна невострребованность в это время оппозиции «борьба – пацифизм», которая была структурообразующей в статьях «Нашего современника» первой половины 1990-х годов. Если критика журналов «Новый мир», «Знамя» демонстрирует личностный тип идентификации, предполагающий самоопределение в нравственных, мировоззренческих координатах, самоосмысление в сложной экзистенциальной ситуации, то критика «Нашего современника» ориентирована на идентификацию социальную, возникающую из осознания своей принадлежности к «патриотической» социальной группе и придания этому факту ценностного значения.

В статьях, объектом которых является литературная практика, наблюдается то же движение от прагматики к аналитике. В ситуации кризиса критика особенно активна в саморефлексии, обращается к литературным произведениям как вариантам авторского (само)понимания, оценивает их с точки зрения глубины / истинности / адекватности (само)интерпретации, с точки зрения наличия «ответов». В работах этой группы критика интересуется больше содержательный аспект, чем художественный. Истолкование здесь принимает вид вычленения из художественной структуры «ответа» (в виде идеи, жизненного ориентира, судьбы героя как возможного варианта осознанного, (не)истинного бытия). Обращение к художественному тексту как варианту «ответа» особенно характерно для статей, написанных во второй половине 1990-х годов в рамках аналитикоориентированного метода.

В отличие от «Нового мира», «Знамени», критика которых обращается к творческой и жизненной судьбе писателей как к возможному ответу на экзистенциальные, онтологические вопросы, критика «Нашего современника» представляет читателю тот или иной портрет писателя как подтверждение верности утверждаемой журналом системы ценностей. Общая прагматическая компонента цели критика в статьях-портретах – предложить читателю ценностный ориентир, представив его воплощение в образе Л. Бородина, Л. Кококулина, Е. Буравлева, С. Наровчатова, О. Фокиной, Б. Примерова, Н. Тряпкина. Элемент идеализации

¹ Статьи В. Артемова «Гусли барда» (1993), И. Соловьевой «Дай мне ярости святой!..» (1993), Т. Глушковой «Вторая трагедия» (1993).

² К примеру, статьи М. Гаврюшина «Исповедь дочери века, или раба любви!» (размышления о книге Лидии Шевяковой «Очень интересный роман») (2000), Н. Переяслова «Дочитавший же до конца – спасется (несибирская проза Сергея Сибирцева и прогноз развития русской литературы на начало третьего тысячелетия)» (2001), И. Кириллова «Границы мира. О прозе Михаила Ворфоломеева» (2001), Б. Агеева «“Человек уходит...” (мотив Конца Света в повести Евгения Носова “Усвятские шлемоносцы”))» (2002).

в сопряжении с героизацией образа писателя составляет суть выбираемой критиком прагматической коммуникативной стратегии.

Картина динамики метода обнаруживает явную закономерность, которая проясняет процесс самоидентификации критики в 1990-е годы. В журнале «Знамя» в начале 1990-х (1991–1993) статей с прагматической доминантой метода в два раза больше, чем аналитически ориентированных. В критике торжествует пафос разоблачения, восстановления нормы, он обуславливает доминирование прагматического компонента в методе и определяет направление аналитики (типичной стратегией развертывания аналитики становится столкновение мифа / отклонения от нормы с фактами / нормой). Прагматика «Нового мира» не столь «агрессивна», теснее связана с интерпретируемым литературным материалом. К середине 1990-х годов (1994–1996) в критике «Знамени» обнаруживается динамика в группе текстов с аналитической доминантой (их число постепенно растет) и уже к концу 1990-х (1997–1999) достигает количества, в три раза превышающего начальное число¹. Прагмаориентированная критика к концу 1990-х годов теряет количественное превосходство, теперь соотношение между двумя группами оказывается обратно пропорциональным.

Наблюдение за «ракурсной» динамикой соотносится с описанной выше. В текстах «Знамени» периода 1991–1993 годов преобладает факто(тексто)центричный ракурс критической деятельности, немногим меньше работ Я-центричных (определяющим становится ракурс собственного видения интерпретируемого). Автороцентричных текстов минимум. В период 1994–1996 годов фиксируем рост текстов с ориентацией на «Я» критика, а к концу 1990-х их резкий спад. Такой же спад наблюдаем в группе текстов, отражающих ориентацию критика на авторскую (писательскую) интенцию. Необходимость в реципиенте, наиболее остро переживаемая до середины 1990-х годов, похоже, объясняет доминирование я-центричного метода критической деятельности «Знамени». Он позволяет привлечь внимание реципиента к личному мнению, способствует самореализации. В конце 1990-х годов, в результате переориентирования критики на аналитику, закономерно происходит спад я-центризма и доминирование текстоцентризма.

В журнале «Новый мир» статистика по периодам отличается, но общая динамика повторяется. С начала 1990-го по 1996 год публикуется равное количество аналитико- и прагмаориентированных текстов, а в период с 1997-го по 1999 год количество аналитических текстов резко возрастает. Объяснить обнаруженную динамику можно, обратившись к коммуникативной ситуации, в которой функционирует критика «Знамени» и «Нового мира» этого периода. Прагмаориентированный метод оказывается доминирующим в момент осознания критикой наступившего кризиса, в период наиболее острой рефлексии. Переживая ситуацию эк-

¹ В конце 1990-х годов (конец 1996 – 1999) критика переориентирует свой аналитический потенциал на поиск скреп в современном литературном пространстве, анализ новых литературных явлений / имен. Доминировать начинает принцип типологии. В пестром «литературном пейзаже» критики обнаруживают общие жанровые, эстетические, мировоззренческие сближения, позволяющие увидеть некоторые тенденции: явление ассоциативной поэзии (А. Уланов «Медленное письмо» (Знамя. 1998. № 8)), трансметареализма (Н. Иванова «Преодолевшие постмодернизм» (Знамя. 1998. № 4)), отечественного постмодернизма, демонстрирующего черты кризиса (М. Липовецкий «Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе» (Знамя. 1999. № 11)), обстоятельства места и действия (ментальные), в которых находится современная русская литература (К. Степанян «Ложная память» (Знамя. 1997. № 11)), «молчание» как принципиальную черту поэтики метафористов (Д. Бавильский «Молчания» (Знамя. 1997. № 12)), проявление кризиса в драматургии (А. Злобина «Драма драматургии» (Новый мир. 1998. № 3)), общие черты текстов-финалистов Букеровской премии (Н. Елисеев «Пятьдесят четыре. Букериада глазами постороннего» (Новый Мир. 1999. № 1)) и т.п.

зистенциальной неуверенности, опасности «покинутости», критика задействует максимально большое количество средств, ориентированных на успех коммуникации. С течением времени, не разрешившим кризисности, она начинает осваивать новую коммуникативную ситуацию и как следствие – в большей степени задействовать аналитику.

В «Новом мире» наблюдаем иную динамику в смене «ракурсов». В начале 1990-х годов резко доминирует текстоцентричная критика (количество таких работ на протяжении всего десятилетия равномерно), к середине десятилетия в два раза увеличивается количество автороцентричных текстов, и уже к концу 1990-х количество первых и вторых сравнивается. Для «Нового мира» не актуален рост Я-центризма, резкая смена ракурсов, как уже было отмечено, критика этого журнала более аналитична в осмыслении современного литературного бытия и своего места в нем.

Критика «Нашего современника» демонстрирует стратегическую и методологическую однородность вплоть до 1999 года, когда резко повышается количество бездоминантных текстов. На наш взгляд, «спокойное» функционирование критики журнала на протяжении практически всего десятилетия объясняется неактуальностью для журнала проблемы кризиса самоидентификации. Журнал позиционирует себя как востребованный печатный орган, подписка на который превышает другие «толстые журналы», не опасаящийся утраты своего читателя¹. Смена «ракурсов» в критике «Нашего современника» последовательно проходит три этапа: в 1992–1993 годах доминирует Я-центризм, в период с 1994 по 2000-й год равноактуальны автороцентризм и ориентированность на текст / факт. В 2001–2002-м публикуются исключительно тексты текстоцентричные.

Рассмотрение опыта интерпретации литературной действительности критиками трех журналов в 1990-е годы позволяет говорить о принципиальном отличии критики «Нашего современника» от опыта критики «Нового мира» и «Знамени». Помимо традиционно отмечаемой идеологической оппозиции между этими журналами существует размежевание гносеологическое, обнаруживающее себя в практике интерпретации и самоинтерпретации, в выборе метода.

Отличаются и деятельностные установки критиков. В «Новом мире», «Знамени» это установка на поиск (интерпретацию литературных явлений, в том числе как иного опыта «вопросания», выживания), в «Новом современном» – на оценку соответствия литературного явления утверждаемой идеологии. Это отличие обуславливает разницу в дистанции между критиком и интерпретируемым. «Наш современник» в большей степени дистанцирован от своего объекта, критик говорит от лица группы, оценивает, проверяет на соответствие, находится «над» объектом. В критике «Нового мира» и «Знамени» эта дистанция предельно сокращена, критик «идет навстречу» тексту, к опыту Другого, который набрасывает на себя в процессе (само)интерпретации. Истолкование здесь принимает вид вычленения из художественной структуры «ответа» (в виде идеи, жизненного ориентира, судьбы героя как возможного варианта осознанного, (не)истинного бытия). Отсутствие «опоры» в творчестве / жизни писателя, его героя, общая ситуация растерянности в литературе осмысливается «как моя проблема тоже», экзистенциально близкая. Для критика «Нового мира» и «Знамени» Другой «почти тождественен мне», может помочь «мне» понять «меня». Для критика «Нашего совре-

¹ См., к примеру, высказывания С. Куняева в журнале «Топос» в интервью «Финансовое положение толстых литературных журналов» (2003. № 3): «В 90-м году, когда тираж был почти 500 тысяч, мы получали 12 тыс. писем в год. Начиная с 90-го года почта сократилась в 10 раз. А подписка уменьшилась раз в 40. Это означает, что читателей у нас больше, нежели подписчиков».

менника» Другой – существующий вне меня, близкий или далекий идейно, «свой» или «враг».

Наблюдения за общей динамикой метода, его аналитической составляющей позволяют сделать некоторые общие выводы относительно коммуникативной и эпистемологической ситуации и особенности функционирования в ней критики. Обстоятельства коммуникации на протяжении 1990-х годов меняются, усугубляя потерю важного члена коммуникативного акта (реального читателя). Резкая деформация коммуникативной цепи оборачивается осознанием кризисности, растерянностью критики. По инерции в начале 1990-х критика продолжает работать с массовым сознанием: разрушает мифы, восстанавливает представление об эстетической / гуманистической норме. И одновременно задействует максимум прагмаориентированных приемов (прагматическая составляющая в методе этого периода доминирует), выстраивая активный диалог с реципиентом. Далее, осваивая новую коммуникативную ситуацию, решая проблему самоидентификации, критика переориентируется с массового читателя на малый круг реципиентов (в большинстве своей профессиональных). Об этом свидетельствует постепенное доминирование аналитической составляющей метода, насыщение текстов терминологией, ориентация на реципиента-соисследователя или молчаливого собеседника. Эпистемологически критика качественно меняется: от самопознания она уходит в область познания современной литературной ситуации. Если в середине 1990-х годов наблюдается общая тенденция рассмотрения того или иного явления в большом контексте литературного процесса, доминирование сравнительно-типологического подхода, то к концу 1990-х (с 1998 года) контекст сужается до направления (в рамках которого интерпретируются несколько текстов), отдельного литературного явления. Не случайно именно в этот период в «Новом мире» появляются рубрики «По ходу текста», «Борьба за стиль», предполагающие более пристальное прочтение отдельных текстов.

Таким образом, объединяет критику трех журналов «познавательная идентичность»¹. При сохранении идеологической компоненты, обуславливающей оппозицию между ними, все три журнала в большей («Новый мир», «Знамя») или меньшей («Наш современник») степени методологически эволюционируют в сторону большей аналитичности в интерпретации литературной и социальной действительности.

Литература

- Агеев А. Варварская лира. Очерки «патриотической» поэзии // Знамя. 1991. № 2.
- Барт Р. Критика и истина // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Брюховецкий В. Критика как мышление и деятельность // Русская литература. 1984. № 4.
- Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Ищенко Е. Проблема субъекта гуманитарного познания: эпистемологический анализ // Философские науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж, 2006.
- Камянов В. Игра на понижение. О репутации «старого искусства» // Новый мир. 1993. № 5.
- Кардин В. Страсти и пристрастия. К спорам о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Знамя. 1995. № 9.

¹ Понятие, которое предусматривает рассмотрение познающего субъекта в динамике («сохранение единства и целостности познающего субъекта <...> и его саморазвитие в процессе реализации познавательных практик» [Ищенко, 2006, с. 376]).

- Менцель Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп // Неприкосновенный запас. 2003. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/ment-pr.html>.
- Немзер А. Несбывшееся. Альтернативы истории в зеркале словесности // Новый мир. 1993а. № 4.
- Немзер А. Двойной портрет на фоне заката // Знамя. 1993б. № 12.
- Немзер А. В каком году – рассчитывай // Знамя. 1998а. № 5.
- Немзер А. Что? Где? Когда? О романе Владимира Маканина: опыт краткого путеводителя // Новый мир. 1998б. № 10.
- Носов С. Литература и игра // Новый мир. 1992. № 2.
- Рассадин С. Освобождение от свободы // Знамя. 1995. № 11.
- Чернец Л. О формах интерпретации литературных произведений // Художественное восприятие: проблемы теории и истории. Калинин, 1988.
- Чернец Л. «Как слово наше отзовется...» Судьбы литературных произведений. М., 1995.
- Якимович А. Эсхатология смутного времени // Знамя. 1991. № 6.